

Я прорвусь!

Лю Лю широко распахнул глаза, в его зрачках, стремительно сменяя друг друга, пронеслись сомнение, потрясение, досада, обида, восхищение, ненависть, отчаяние и боль... Но ни одно из этих чувств не успело застыть на его лице, оставив лишь выражение глупого недоумения.

Он и так был тяжело ранен и находился на пороге смерти, а теперь, с извлечённой духовной костью, жизненная сила покидала его ещё быстрее. Его незабываемо прекрасное лицо в одно мгновение увяло и иссохло: кожа покрылась мелкими трещинами, плоть на скулах опала, а глазницы превратились в две чёрные дыры. В глазах, что некогда пленяли своим очарованием, не осталось и намёка на жизнь.

Те Хэнцю, глядя сверху вниз на иссохшие останки Лю Лю, с лёгким сожалением подумал: «Всё-таки слишком лёгкая смерть для него».

Будь на то его злая воля, он бы предпочёл, чтобы тот, подобно Хай Цюншаню, перед смертью испытал всю глубину отчаяния. Вот тогда бы он почувствовал удовлетворение.

Однако Лю Лю — не Хай Цюншань.

Те Хэнцю не осмеливался затягивать игру, опасаясь, что из-за излишней самонадеянности всё может пойти наперекосяк.

Лучше действовать решительно.

Контрольный удар — это очень важно.

Он не только боялся, что тот может воскреснуть, но и хотел уничтожить все улики.

Он не желал, чтобы кто-то узнал о том, что Лю Лю лишился своей духовной кости.

«Сбросить со скалы или утопить в реке... всё равно рискованно», — подумал Те Хэнцю, потирая подбородок.

Раньше он мог прибегать лишь к таким простым и грубым методам из-за недостатка средств.

Но теперь...

Те Хэнцю усмехнулся.

Стоило ему лишь подумать, как Алая птица, рассекая ночную тьму, тут же примчалась на зов.

Вот оно, удобство кровного договора с духовным зверем.

Ни слов, ни даже взглядов не нужно.

Лишь мимолётной мысли Те Хэнцю было достаточно, чтобы призвать эту несравненную бессмертную птицу.

В следующее мгновение Алая птица раскрыла свой острый клюв и извергла поток золотистого пламени.

Под натиском Огня Ли останки Лю Лю корчились и обугливались, пока от них не остался лишь почерневший скелет.

Закончив с этим, Те Хэнцю сел, скрестив ноги, и, прикрыв глаза, под защитой Алой птицы начал практиковать Искусство прививки сливы.

Когда духовная кость Лю Лю начала медленно сливаться с его меридианами, он с изумлением обнаружил, что жизненная сила, заключённая в ней, была подобна бурному весеннему потоку.

Духовная кость Хай Цюншаня, которой он когда-то так восхищался, по сравнению с этой казалась ручейком рядом с безбрежным морем.

Духовная кость вошла в тело, и эссенция божественного древа, накопленная за десять тысяч лет, хлынула по его меридианам. Каждая косточка пропитывалась первозданной силой, и ему показалось, будто в его даньтяне пустили корни древние, могучие ветви.

Совершив половину малого небесного круга, он вернул своё сознание, измазал лицо грязью, пару раз ударил себя по щекам и рухнул на землю.

Наблюдавшая за этим Алая птица недоумённо склонила голову: «...Чжи-чжи? Симуляция? Ча-ча?»

Дело в том, что когда Алая птица прилетела, яркое пламя озарило небо и быстро привлекло внимание группы Юнь Сыгуя.

Все главы школ, кроме Юэ Бочжи, последовали за светом.

Они увидели Алую птицу на ветке, лежащего на земле Те Хэнцю и обугленный скелет.

Они быстро сложили в уме правдоподобную картину: обессиленный Лю Лю был сожжён Алой птицей.

Вскоре они привели Те Хэнцю в чувство.

Тот выглядел испуганным.

Когда его спросили, что произошло, он дрожащим голосом рассказал, что Лю Лю похитил его и хотел убить, чтобы замести следы. К счастью, в его рукаве был талисман, призывающий Алую птицу, которая вовремя прилетела и спасла его.

Эта история звучала вполне логично. Проверив духовной силой, они убедились, что обугленный скелет действительно принадлежал Лю Лю, и почувствовали облегчение: наконец-то этот опасный враг был повержен, что избавляло их от многих хлопот.

Но не успели они расслабиться, как глава Павильона Небесных тайн внезапно сузил глаза и указал на носок сапога Те Хэнцю: «Это что такое?»

Те Хэнцю замер и, опустив взгляд, увидел на кончике сапога крошечные частицы сухой травы, почти сливавшиеся с цветом обуви в пятнистой тени деревьев.

В лесу он не придал значения какой-то траве на сапогах.

Яо-ван подошёл, взял щепотку и с удивлением произнёс: «Это Росток конца весны. Говорят, он продлевает жизнь. Это одно из уникальных духовных растений Усадьбы божественного древа. Обычно глава усадьбы носит его с собой в парчовом мешочке».

При этих словах все как один уставились на Те Хэнцю.

Сердце Те Хэнцю ёкнуло. Он понял, что дело плохо.

Глава Павильона Небесных тайн прищурился: «Так значит, юноша, ты забрал мешочек Лю Лю?»

«Я... я не брал!» — Те Хэнцю замотал головой. — «Может... может, он выпал во время драки!»

С этими словами он с тревогой посмотрел на Юнь Сыгуя: «Наставник, вы должны мне верить!»

Юнь Сыгуй кивнул: «Я верю Хэнцю. Этот юноша всегда был честен и не способен на такое».

На самом деле, Юнь Сыгуй не был до конца уверен в честности Те Хэнцю, но в данный момент,

как глава школы, он должен был его защищать.

Настоятель Храма Небесного звука, и без того разгневанный, не сдержался: «Конечно, ты ему веришь. Он твой ученик, и делает то, что ты ему прикажешь!»

Юнь Сыгуй помрачнел: «Что вы имеете в виду?»

Настоятель уже собирался ответить, как глава Павильона Небесных тайн вдруг обвёл взглядом землю и остановился на одном месте.

«Это...» — указал он.

Все проследили за его взглядом и увидели на земле маленький парчовый мешочек с развязанным горлышком.

Настоятель Храма Небесного звука подскочил, схватил его и, убедившись, что он пуст, показал остальным: «Смотрите, что это?»

Глава Павильона Небесных тайн нахмурился: «Судя по материалу и узору, это личный мешочек Лю Лю».

При этих словах взгляды всех, словно кинжалы, вонзились в Те Хэнцю.

Даже Юнь Сыгуй, только что защищавший его, помрачнел.

Увидев, что мешочек пуст, настоятель, наоборот, сменил гнев на милость.

Он сложил ладони в молитвенном жесте и с улыбкой произнёс: «Амитабха. Юноша, в мешочке Лю Лю, должно быть, было много ценных вещей. Ты молод, не устоял перед искушением — это понятно. Но утаивать что-то от старших — нехорошо, ты ведь понимаешь?»

Те Хэнцю, поджав губы, молчал. Лишь спустя мгновение он сказал: «Я действительно не видел этой вещи. Возможно, она выпала во время боя. Но я не трогал того, что было внутри».

«Выпала во время боя? Но на мешочке нет порезов, а узел развязан, словно его кто-то открыл», — холодно усмехнулся глава Павильона Небесных тайн.

Яо-ван тихо вздохнул: «Я лекарь, и всегда выступаю за спасение жизней. Послушай моего совета: если ты что-то взял, лучше отдай. Никакое сокровище не стоит жизни».

Юнь Сыгуй тоже сказал: «Хэнцю, лучше скажи правду. Я тебя защищу».

Те Хэнцю открыл рот, его взгляд был прикован к горлышку мешочка, и вдруг его осенило: это ловушка, подстроенная Лю Лю!

Перед смертью, когда у него уже не было сил колдовать, у него всё ещё хватило коварства.

Пока я был сосредоточен на извлечении духовной кости, он, должно быть, последним усилием развязал узел, оставив эти улики.

...Чтобы сделать меня всеобщим врагом.

«Ну что ж, Лю Лю, неплохо. Даже умирая, умудрился подставить меня. Если говорить о коварстве, то ты в этом первый».

Стиснув зубы, Те Хэнцю сказал: «Если вы мне не верите, я могу поклясться...»

Яо-ван покачал головой: «К чему клятвы? Мы, совершенствующиеся, превыше всего ценим причинно-следственную связь. Зачем из-за какого-то мешочка тревожить Небесное Дао?»

Настоятель Храма Небесного звука холодно хмыкнул: «Су Сюаньху, хватит притворяться праведником! С тех пор как мы вошли в Усадьбу божественного древа, кто первым позарился на здешние травы? Каждый раз увозишь по несколько повозок. А теперь строишь из себя святого?»

Задумавшись, настоятель помрачнел: «Кстати, этот парень с Пика Ста Чжанов. А ты дружен с Юэ Бочжи. Может, вы в сговоре?»

Яо-ван Су Сюаньху не стал спорить, а наоборот, выпятил грудь: «Да, да, Юэ Бочжи — главный зачинщик! Иди и требуй ответа с него!»

Настоятель осёкся, не зная, что ответить.

«Хватит, хватит, господа, вы все — столпы мира совершенствующихся. Неужели пристало вам так спорить?» — глава Павильона Небесных тайн махнул рукой и повернулся к Те Хэнцю. — «Юный друг, если ты действительно невиновен, не мог бы ты показать нам свою сумку из семени горчицы для проверки?»

Лицо Те Хэнцю мгновенно побледнело: «Сумка... там... там все мои личные вещи...»

Там действительно были вещи, которые не следовало показывать: не только сокровища, которых у Те Хэнцю по его статусу быть не должно, но и книги, подаренные когда-то феей Лофу.

Если они это увидят, ему не уйти живым.

Юнь Сыгуй вздохнул: «Я понимаю, что это неудобно. Но здесь нет посторонних, ты должен позволить нам взглянуть. К тому же, я здесь и не дам тебя в обиду».

Пальцы Те Хэнцю нервно сжимали сумку, его взгляд бегал по сторонам.

Эту сумку ни в коем случае нельзя было отдавать на проверку этой стае гиен, иначе его ждала смерть.

Те Хэнцю огляделся. Его окружили. Хотя они стояли не плотным кольцом, а рассредоточенно, их расположение было тщательно продумано и напоминало затягивающуюся сеть.

Их взгляды — то глубокие, то насмешливые, то алчные — были подобны взглядам охотников, ожидающих, когда добыча сама попадёт в ловушку.

Сердце Те Хэнцю бешено заколотилось, его пальцы мёртвой хваткой вцепились в сумку.

Голос Юнь Сыгуя прозвучал снова: «Хэнцю, раз уж так вышло, к чему упрямиться? Отдай сумку, я добыю для тебя справедливости».

В горле у Те Хэнцю пересохло, он с трудом сглотнул, но его решимость лишь крепла: эту сумку он не отдаст!

Яо-ван Су Сюаньху сказал: «Милый юноша, почему ты молчишь? Неужели ты думаешь, что сможешь в одиночку прорваться и вернуться в Усадьбу божественного дерева, чтобы просить защиты у Юэ Бочжи?»

«Прорваться и вернуться в Усадьбу божественного дерева, чтобы просить защиты у Юэ Бочжи» — эти слова зажгли в глазах Те Хэнцю искру.

Да, это был его единственный выход.

Хотя он не знал, заступится ли за него Юэ Бочжи, это было лучше, чем стоять здесь и ждать, пока его растерзают.

А слова Су Сюаньху «в одиночку»... Те Хэнцю поджал губы: «В одиночку... в одиночку я, конечно, не прорвусь».

Он поднял глаза и посмотрел на Алую птицу, скрытую в листве: «Но у меня есть он...»

Приняв решение, Те Хэнцю положил руку на сумку и, обведя всех взглядом, твёрдо сказал: «Вы правы».

Увидев, что Те Хэнцю, похоже, готов уступить, настоятель Храма Небесного звука самодовольно улыбнулся и шагнул вперёд.

«Он — самое слабое звено», — подумал Те Хэнцю, глядя на ещё не оправившегося от ран настоятеля.

Сделав вид, что собирается отдать сумку, он дождался, пока настоятель, обрадовавшись, протянет руку.

В тот миг, когда их пальцы почти соприкоснулись, фигура Те Хэнцю внезапно размылась, и он, превратившись в тень, бросился в прорыв.

«Самоуверенный глупец!» — холодно хмыкнул настоятель.

Не успел он договорить, как его метёлка из конского волоса уже летела к спине Те Хэнцю, серебряные нити, словно змеи, должны были схватить его.

Но тут из ниоткуда вылетела Алая птица и извергла на настоятеля поток алого Огня Ли.

Настоятель вскрикнул от неожиданности, поспешно отдёрнул метёлку и отпрыгнул назад, едва увернувшись от пламени.

За это мгновение Те Хэнцю успел вырваться из окружения и помчался прочь.

Алая птица последовала за ним, расправив крылья и извергая пламя, чтобы защитить его.

«Куда бежишь!» — прогремел настоятель.

Не успели его слова затихнуть, как он уже, словно стрела, пущенная из лука, летел вслед за Те Хэнцю.

Глава Павильона Небесных тайн и глава Дворца Парящих облаков не отставали, присоединившись к погоне.

Юнь Сыгуй уже собирался броситься за ними, но Су Сюаньху его остановил.

«Ты нарочно ему подсказал? — Юнь Сыгуй поднял бровь. — Хочешь его защитить?»

Су Сюаньху покачал головой: «Если бы в том мешочке было что-то ценное, Лю Лю не умер бы. А этот парень всё-таки с Пика Ста Чжанов. Зачем из-за пустого мешочка наживать себе врага в лице Юэ Бочжи?»

Услышав это, Юнь Сыгуй нахмурился, остановился и больше не двигался.

Настоятель Храма Небесного звука, глава Павильона Небесных тайн и глава Дворца Парящих облаков не отставали, их скорость была подобна ветру, и в мгновение ока они уже настигали Те Хэнцю.

«Так торопится, значит, совесть нечиста!»

«Он точно забрал содержимое мешочка!»

«Не дайте ему уйти!»

...

Трое преследователей были полны ярости и не собирались его отпустить.

Однако Те Хэнцю двигался проворнее, чем они ожидали, к тому же его защищал Огонь Ли Алой птицы.

Они никак не могли найти брешь в его обороне.

Осознание того, что их вот-вот обгонит какой-то незаметный ученик стадии Золотого ядра, приводило их в ярость.

Желание получить содержимое неизвестного мешочка отошло на второй план, теперь главной целью стало унижить этого дерзкого юнца!

Лицо настоятеля побагровело от гнева: «Какой-то сопляк стадии Золотого ядра смеет дерзить нам! Если мы сегодня дадим тебе уйти, то опозорим наш Храм Небесного звука!»

Те Хэнцю мчался ещё быстрее. Впереди уже виднелось обожжённое божественное древо — значит, усадьба была близко!

Он уже собирался долететь до неё, как вдруг почувствовал жар в даньтяне, а спина, куда он вживил духовную кость, запылала.

«Это...» — сердце его пропустило удар.

В этот момент на небе сгустились грозовые тучи, и слышались раскаты грома.

Увидев это, трое преследователей резко остановились, всё поняв.

«Этот юнец... он что, прорывается?» — изумлённо произнёс глава Дворца Парящих облаков.

«Как это он прорывается? — стиснув зубы, прорычал настоятель. — Наверняка забрал сокровище Лю Лю!»

Глава Павильона Небесных тайн лишь усмехнулся, его взгляд был полон уверенности.

Те Хэнцю уже собирался ворваться на территорию усадьбы, как над головой прогремел оглушительный раскат грома, от которого он пошатнулся.

Он с трудом устоял на ногах, но не мог двигаться дальше. Духовная кость в спине горела всё сильнее, словно пламя распространялось по позвоночнику.

«Прорыв — это, конечно, хорошо, — стиснув зубы, подумал он. — Но почему именно сейчас!»

Во время прорыва он был наиболее уязвим, а за спиной — трое могущественных врагов.

Как ему уйти живым?

Алая птица, почувствовав неладное, взмыла в воздух и заслонила его собой.

Однако глава Павильона Небесных тайн лишь легко взмахнул рукой, и пламя, словно свеча на ветру, метнулось обратно.

Алая птица оказалась в ловушке собственного пламени и не могла вырваться!

«Алая птица!» — крикнул Те Хэнцю, его глаза налились кровью.

«Лучше о себе позаботься!» — усмехнулся глава Павильона Небесных тайн.

Те Хэнцю хотел что-то сказать, но его золотое ядро в дантяне внезапно взбунтовалось, словно в него влили раскалённую лаву, и начало бешено расширяться.

Каждый меридиан стонал от разрывающей боли, духовная сила, словно дикая лошадь, металась по телу, причиняя невыносимые страдания.

Его тело неудержимо дрожало, ноги подкосились, и он рухнул на колени.

Небо над головой уже почернело от грозовых туч, которые сгущались всё ниже, готовые поглотить его.

К горлу Те Хэнцю подступила кровь, но он мёртвой хваткой стиснул зубы, не давая ей вырваться наружу.

Настоятель Храма Небесного звука, глядя на грозовые тучи, нахмурился и пробормотал: «Эта грозовая скорбь... не из простых... не дай бог он её переживёт».

«Даже если переживёт, он будет всего лишь на начальной стадии Зародыша души. Неужели мы его испугаемся?» — усмехнулся глава Павильона Небесных тайн.

Настоятель хотел что-то сказать, но глава Дворца Парящих облаков его перебил: «Хватит разговоров, нужно его схватить, пока не поздно!»

«Верно!» — глаза главы Павильона Небесных тайн сверкнули, и он кивнул.

Трое тут же бросились к Те Хэнцю!

Стоя на коленях, Те Хэнцю почувствовал, как на него обрушились три мощных потока давления, и его сердце сжалось.

Он поднял голову и увидел, что настоятель Храма Небесного звука, глава Павильона Небесных тайн и глава Дворца Парящих облаков уже были рядом.

Их взгляды были холодными и острыми, словно они смотрели на мертвеца.

В тот миг, когда их атаки должны были обрушиться на него, внезапно, словно сотканная из снега тень, перед ним возникла фигура.

Трое нападавших резко остановились и отступили на шаг.
